

УДК 821.162.1

**ПЕРЕВОД РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
С ПОЛЬСКОГО НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ
В ПОЭМЕ ВИНЦЕНТИЯ ПОЛЯ «ПЕСНЬ О ЗЕМЛЕ НАШЕЙ»**

Ламм М.А.

Статья посвящена исследованию трёх переводов поэмы Винцентия Поля «Песнь о земле нашей» (*Pieśń o ziemi naszej*) с польского на русский и немецкий языки. Поэма создавалась в эпоху расцвета романтизма и стилизована под польский фольклорный жанр – гавенду. По содержанию произведение является литературным путешествием и носит землеописательный характер. На польских землях издавна жили католики и православные христиане, перевод религиозных терминов, относящихся к православию и католицизму, представляется наиболее интересной проблемой. В польском языке, как и в русском, слова «костёл» и «церковь» имеют смысловоразличительное значение, маркируя как конфессиональную, так и национальную принадлежность. При этом в обоих языках региональная и национальная принадлежность при переводе выходит на первый план: слово «костёл» в русском языке, равно как и слово «церковь» в польском языке вызывают ассоциации с определёнными территориями, в отличие от более конфессионально-нейтральных «храм» или «собор». В немецком языке такое различие отсутствует, соответственно, аспект конфессионального различия в переводах утрачивается. Отчасти он восстанавливается благодаря сохранению архитектурных описаний: башня (у костёла) и купола (у церкви), но вне культурного контекста конфессиональные различия неочевидны. Сноска, объясняющая устройство храма, в немецких переводах чаще всего приводится с указанием национальной принадлежности (русский). Два значимых духовных центра – православный (Киевская Лавра) и католический (Ченстохова) имеют в оригинальном тексте также и национально-этнографический контекст, который в одном из переводов на немецкий язык выходит на первый план. В ситуации утраты государственной независимости именно религиозная принадлежность стала главной опорой польского

национального самосознания, национально-религиозное единство подчёркивается Винцентием Полем в тексте произведения.

Ключевые слова: православие, католицизм, романтизм, Россия, Украина, Польша, историческая поэма, гавенда, Винцентий Польш, Киевская Лавра, Ченстохова.

**TRANSLATION OF RELIGIOUS TERMINOLOGY
FROM POLISH INTO RUSSIAN AND GERMAN IN THE POEM
“THE SONG OF OUR LAND” BY WINCENTY POL**

Lamm M.A.

This paper examines three translations of the poem “The Song of Our Land” (Pieśń o ziemi naszej) by Wincenty Pol from Polish into Russian and German. The poem was written during the heyday of Romanticism and is stylized as a Polish folklore genre, the *gawęda*. Its content is a literary journey and is geographically descriptive. Catholics and Orthodox Christians have long inhabited Polish lands and the translation of religious terms related to Orthodoxy and Catholicism presents a particularly interesting problem. In Polish, as in Russian, the words “*kostel*” (Catholic Church) and “*tserkov*” (Orthodoxy Church) have distinct meanings, denoting both religious and national affiliations. In both languages, regional and national affiliation comes to the fore in translation: the word “*kostel*” in Russian, like the word “*cerkiew*” in Polish, evokes associations with specific territories, unlike the more denominationally neutral “*khram*” (temple) or “*sobor*” (cathedral). In German, this distinction is absent and accordingly, the aspect of denominational diversity is lost in translations. This is partly restored by preserving architectural descriptions: a tower (for a Catholic Church) and a dome (for an Orthodoxy Church), but outside of a cultural context, denominational differences are not obvious. Footnotes explaining the structure of a church in German translations are most often provided with an indication of nationality (Russian). Two significant spiritual centres, Orthodox (Kiev Lavra) and Catholic (Częstochowa), also have a national-ethnographic context in the original text, which is foregrounded in one of the German translations. In the context

of the loss of state independence, religious affiliation became the main pillar of national identity, and Wincenty Pol emphasizes national-religious unity in his work.

Keywords: Orthodoxy, Catholicism, Romanticism, Russia, Ukraine, Poland, historical poem, *gawęda*, Wincenty Pol, Kiev Lavra, Częstochowa.

Винцентий Поль (20.04.1807-02.12.1872) – польский писатель и поэт, географ, этнограф, профессор Ягеллонского университета. Родился в Люблине, затем жил в Галиции. Участник восстания 1830-1831 гг. Много путешествовал по Польше, по соседним странам, автор поэтического цикла «Песни Януша» (*Pieśni Janusza*, 1845), некоторые из стихов которого были положены на музыку Шопеном. Также им созданы исторические поэмы и несколько поэтических циклов: «Картины из жизни и путешествий» (*Obrazy z życia i z podróży*, 1846), Мохорт (*Mohort*, 1855) и др. «Песнь о земле нашей» (*Pieśń o ziemi naszej*) была впервые опубликована в 1843 г. Это романтическая землеописательная поэма, посвященная разным регионам Польши. Страны, которой в тот период времени на карте мира не существовало. По жанру произведение ближе всего к гавенде – «польский жанр эпической прозы и поэзии, имеющий характер свободного, безыскусного повествования, распространенный в романтическом эпосе, связанный с традиционной шляхетской культурой, является литературным воплощением разговорного языка» [6, s. 354]. В детстве Винцентий Поль охотно слушал деревенских сказителей [7, s. 5-8] и в своем творчестве продолжил живую традицию народной поэзии. Простота формы, слога и художественного образа никак не упрощает сути, более того – именно в формальной простоте, по мнению современников, заключалось основное очарование поэмы [4, s. 18]. Именно «Песнь о земле нашей» вознесла Винcentия Поля к вершинам славы [8, s. 9]. Это история о любви к родному краю и к народам, его населяющим. История о лучшем, что смог увидеть человек на своей земле.

Текст написан на польском языке на пограничье культур, народов, государств и традиций. Родившийся в польско-немецкой семье, Винцентий Поль был с детства втянут в сложный межнациональный конфликт, бурно

обсуждавшийся родителями [5, с. 13-14]. Поэт имел возможность выбора культурной идентичности. Интерес к гавенде и особое романтическое чувство по отношению к польской культуре сформировалось у Винцентия Поля в Галиции, под влиянием преследования патриотов и гонений на польский язык [5, с. 13-14]. При этом можно предположить, что семейная история предопределила живой интерес поэта к этническому многообразию Польши [см.: 2]. Творчество Винцентия Поля пришлось на период утраты Польшей независимости. В этот период в польском обществе возник особый интерес к истории, процессы постижения польских древностей, национальной истории, культуры и традиций носили «характер сакральной инициации, духовного приобщения к славе польского прошлого» [1, с. 123].

Оставаясь в тени более известных современников – А. Мицкевича и Ю. Словацкого, Винцентий Польш стал одним из знаковых национальных поэтов, его произведения были переведены на немецкий и русский языки. «Песнь о земле нашей» на польском языке неоднократно переиздавалась, при этом в более поздних изданиях текст немного дополнен. Тем не менее, поскольку рассматриваемые в данной работе переводы основываются на изданиях XIX в., цитаты приводятся по тексту издания 1887 г. Но, поскольку в более поздних изданиях есть этнографические комментарии, также используется издание 1919 г.

Первый перевод «Песни о земле нашей» на немецкий язык вышел в свет в 1869 г. (Breslau, Lois Kurtzmann), второй появился уже в 1870 (пер. Posen, Wojcech Kętrzyński). Русский перевод появился в 2022 г. (Ламм Мария Андреевна), хотя отрывки из поэмы публиковались в 1871 г. в переводе Владимира Григорьевича Бенедиктова. В силу сложной политической ситуации различия в переводах могли быть детерминированы не только собственно лингвистическими, но и внеязыковыми (политическими) факторами.

Одной из наиболее сложных задач, стоявших перед переводчиками, стал перевод региональных и страноведческих понятий. Такие реалии, мастерски описанные Винцентием Полем, выражают различные аспекты бытия

национальной культуры, характерные именно для определенного пространства и не всегда имеющие тождество в другом языке. Винцентий Поль дает поэтическую характеристику каждому из регионов страны, описывая облик, быт и обычаи местных жителей, их основные занятия, религиозные взгляды и суеверия. Под его пером оживают древние божества Литвы, православные храмы и католические соборы Украины и центральной Польши. Религиозные реалии, различные по духу и по сути, не всегда имеют семантическое тождество в других языках, хотя во всех рассматриваемых случаях перевод осуществляется на языки христианских народов. В первую очередь различия детерминированы сложившейся культурной традицией и языковыми особенностями. При переводе с польского на русский язык перевод осуществляется между родственными языками, относящимися к одной языковой семье, что предполагает определенную близость фонетического строя, синтаксической организации текста и наличие однокоренных слов. Таким образом, перевод может быть близок к оригинальному тексту не только на смысловом, но и иногда и на фонетическом уровне. Во всяком случае, при переводе на близкородственные языки часто возможен подбор однокоренных слов. Кроме того, родство языков предполагает и определенное родство реалий, что позволяет использовать в переводе оригинальную лексику.

Различия в переводах можно видеть уже на уровне перевода знаковых для региона духовных центров. Православным является Киево-Печерская Лавра, католическим – Ченстохова. Различия возникают уже на уровне перевода имени собственного, имеющего знаковое семантическое содержание – Лавра. В польском тексте: «A cześć Ławrze! Slawa Bogu!» [10, s. 30]. В переводе на русский язык: «Стоит Лавра! Славят Бога!» [3], в переводах на немецкий язык у Кентжиньского «Slawa Bohu – grüsst die Menge». Сноска: «Ehre sei Gott!» [11, S. 33] и у Курцманна «Preis der Ławra, Gott die Ehre!» Сноска: «Ławra, die Metropolian-Kirche in Kiew» [12, S. 24].

Когда речь идет об именах собственных, т.е. уникальных культурных явлениях, они могут приводиться без перевода. Например, Лавра в

региональном контексте – Киево-Печерская Лавра, т.е. храм знаковый и единственный в своём роде. Эта название знакового храма сохраняется в русском переводе и в переводе Курцманна, причем в переводе на немецкий язык слово «Лавра» написано в соответствии с правилами польской орфографии. Восклицание «Слава Богу!» в переводе Курцманна сохраняется, а в русском переводе заменено личной глагольной формой «славят». В переводе Кентжиньского слово «Лавра» утрачено, но для сохранения локального колорита переводчик вводит в текст восклицание «Slawa Bohu!», характерное для русского, но не для польского языка, в сноске поясняется значение именно этого выражения, факт наличия Лавры (и, соответственно, православного духовного центра) не упомянут. В переводе Курцманна в сноске уточняется, что Лавра – резиденция Киевского митрополита, т.е. в переводе наиболее точно передаётся религиозное и культурное своеобразие региона, в отличие от перевода Кентжиньского, где нет указания на факт существования в регионе древнего православного духовного центра.

Аналогичные трудности возникают при переводе отрывка, относящегося к католическому духовному центру – Ченстохове (главный духовный центр Польши, для католиков по уровню символической насыщенности сопоставимый с Лаврой для православных). У Винцентия Поля: «Po kościołach chwała boska, / Na odpusty naród płynie / I cudowna Częstochowska / Jak szeroka Polska słynie!» [10, s. 46]. В русском переводе «По костелам славят Бога / И на исповедь народ / По воскресным дням течет. / И несет святое слово / Чудотворна Ченстохова!» [3]. В переводе Кентжиньского: «Gotteswort in allen Kirchen; / Viel des Volks auf jedem Ablass, / Und berühmt soweit als Polen / Ist das Bild der Mutter Gottes / In der alten Częstochowa!» [11, S. 50]. В переводе Курцманна: «Gottes Preis tönt in den Kirchen: / Zu dem Ablass strömen Massen, / Durch ganz Polen ist berühmt die / Mutter Gott's von Częstochowa» [12, S. 38].

В оригинальном тексте образ Ченстоховской Богоматери сравнивается со всей Польшей. Эта икона почитается и православными, и католиками, хотя наиболее сильное символическое значение она имеет для польских католиков.

Соответственно, для носителей польского языка и культуры как национальный, так и конфессиональный контексты очевидны. Носителю русского языка более или менее очевиден национальный контекст, в отличие от конфессионального уровня сакрализации образа. Переводчики на немецкий язык постарались сохранить религиозное значение контекста. В переводе Кентжиньского используется эпитет «alten» (древний), что позволяет подчеркнуть символическую значимость иконы и религиозного центра, связь с исконной традицией. В переводе Курцманна уточняется, что образ Богоматери из Ченстоховы известен всей Польше, т.е. сохраняется оригинальное значение национального единства. В польском тексте принадлежность данного духовного центра к католицизму также подчёркивается употреблением слова «kościół», что сохраняется в переводе на русский язык, но утрачивается в переводах на немецкий.

В польском языке, развивающемся в условиях тесного взаимодействия культур, для католических и православных храмов существуют определенные слова, которые позволяют носителю культуры четко идентифицировать принадлежность храма к той или иной конфессии: католический «kościół» и православная «cerkwa». Это смысловозначительное значение сохраняется и в русском языке, причём в русском языке оно приобретает также региональную коннотацию, выступая как маркер польскости. Подобное внерелигиозное значение имеет слово и «cerkwa» в польском языке, являясь, помимо собственно принадлежности к православной традиции, узнаваемым маркером русскости.

Таблица 1.

Сравнение переводов слова «Kościół»

A nad wioską i nad borem, Nad sadami i nad dworem, Jasną blachą pobijany Świeci kościół murowany.	Над садами, над двором, Сложен добрым кирпичом, Светлой жостью славно крытый Скрылся за большой ракитой	Fernhin über Dorf und Wälder, Ueber Gärten, Herrenhöfe Ragt die steingebaute Kirche Mit dem Dach von	Ueber's Dorf und über'n Wald hin, Ueber'n Herrenhof und Garten Guckt mit blankem Blech gedecket Ein gemauert Kirchlein 'rüber;
--	--	---	---

Stare drzewa wieży bronią I na Anioł Pański dzwonią; A gołębie krążą stadem Nad plebanią i nad sadem... [10, s. 46].	Католический костел, Словно ангельский шатер. Старые деревья башни Охраняют от напасти. На «господень Ангел» звонят, Древние молитвы помнят [3].	hellem Bleche. Um den Thurm steli'n alte Bäume, Und zui- Vesper wird geläutet. Tauben kreisen rasch und zahlreich Ucbcr'm Garten und dem Pfarrhof... [11, S. 49-50].	Von dem Thurm, geschützt von Bäumen, Läutet man Ave Maria, Und ein Flug von Tauben kreiset Ueber'm Pfarrhof und dem Garten [12, S. 38].
--	--	---	--

Подобно тому, как при описании Ченстохова в оригинальном тексте католическая семантика образа подчёркивалась благодаря употреблению слова «kościół», дополнительные архитектурные и религиозные реалии позволяют отнести отрывок к католической традиции. Во-первых, храм венчает башня, что характерно для католической храмовой архитектуры, во-вторых, указывается название католической молитвы: «Anioł Pański», т.е. молитва, которая читается трижды в день – утром, в полдень и вечером. В русском переводе этот контекст истолкован в подстрочном примечании, в переводах на немецкий язык Кентжинский использует слово «Vesper» (вечерня), а Курцманн заменяет более широким аналогом «Ave Maria», что точнее всего передает значение оригинального текста. Особенности оттенков религиозных различий в переводах на немецкий язык не уточняются, для обозначения здания храма используется национальный аналог – «Kircha», семантически не выражающий конфессиональных различий.

Слово «Kircha» также используется в переводах на немецкий язык для обозначения православного храма.

Таблица 2.

Сравнение переводов слова «Cerkiew»

I do Cerkwi się przystroją [10, s. 20].	Украшать ворота церкви [3].	Um zur Kirche sich zu schmücken [11, S. 23].	Um zur Kirche sich zu schmücken [12, S. 15].
---	--------------------------------	---	--

Cerkiew z trzema kopulami, W niej odprawa — a poklony, Przed carskimi stojac drzwiami, Bije lud na twardo chrzczony! [10, s. 23].	Рядом — церковь с куполами¹⁸, В ней крестьяне бьют поклоны. Перед царскими вратами Собрался народ крещеный [3].	Mit drei Kuppeln prangt die Kirche; In ihr Andacht; — das gewaltsam Neubekehrte Volk verbeugt sich Vor den kaiserlichen Thüren. <i>Сноска:</i> 1) Carskie drzwi, so heissl die Miitelthür des Altars in der altrussischen Kirche, hinter welcher das Allerheiligste aufbewahrt wird [11, S. 26].	In der Kirche mit drei Kuppeln Liest man Messe — gläubig vor den Kaiserlichen Thüren beugt die Knie der hartgetaufte Bauer. <i>Сноска:</i> Carskie drzwi: die Mittelthüre im Altare altruss. Kirchen, durch welche das Allerheiligste hereingebracht wird. (Booch-Arkossy's Wörterbuch) [12, S. 18].
Złoci białe szczyty dworu I potrojny krzyż cerkwicy... [10, s. 23].	Православный храм венчает Купол дивной красоты, Над ним золотом сияют Церкви Божией кресты [3].	Grüsst des Hofes weisse Giebel Und der Kirche gold'ne Kreuze [11, S. 26].	Hüllt in Gold des Schlosses Zinnen, Wie des Kirchleins dreifach Kreuz [12, S. 19].

В немецком языке во всех случаях слово «Cerkiew» переведено аналогичным национальным словом «Kircha» (церковь), т.е. смысловозначительное значение на конфессиональном уровне утрачивается. Как и в случае с башнями костёла, явный архитектурный атрибут православного храма (три купола), сохраняется при переводе, но в подстрочных примечаниях не проясняется, т.е. смысловозначительное значение архитектурной символики предполагается понятным для читателя. Тем не менее, конфессиональные различия на уровне православия и католицизма стремятся передать оба переводчика поэмы на немецкий язык, сохраняя сопутствующую религиозную терминологию: «царские врата». В постраничной сноске в обоих переводах на немецкий язык поясняется значение термина: за

царскими вратами располагается наиболее священная часть древнерусского храма. Таким образом, восстанавливаются утраченные при переводе национальный и религиозный контексты.

Другое смешение конфессиональных контекстов возникает, когда Винцентий Поль упоминает православных монахов киевских монастырей. В оригинальном тексте: «Tam zlocone monastery, / A w nich czernce staro-wiery» [10, s. 31]. В переводе на русский язык «Там монастыри златые, / Где монахи старой веры» [3]. В переводе Кентжиньского «Klöster dort mit gold'nen Kuppeln / Und in ihnen strenge Mönche» [11, S. 34]. В переводе Курцманна «Prunken goldbedeckte Klöster / Mit Schwarzkutten alten Glaubens» [12, S. 25].

Винцентий Поль в оригинальном тексте назвал православных киевских монахов староверами (старообрядцами), т.е. следующими православной традиции до никонианского раскола. Это значение уточняется в постраничной сноске в издании 1919 г.: «монахи – законники, староверы, религиозная секта» [9, s. 36], хотя контекст предполагает упоминание православного монастыря. На русский язык этот отрывок переведён практически дословно. В переводе на немецкий язык Кентжиньский использовал слово «streng» (строгий), т.е. сохраняется значение и контекст истовой религиозности и аскетизма, в переводе Курцманна этот контекст утрачен: слово «Schwarzkutte», т.е. чёрная ряса, не маркирует конфессиональной принадлежности. Во всех переводах сохраняется православный контекст на архитектурном уровне: «монастыри златые» в переводе на русский язык, у Кентжиньского «монастыри с золотыми куполами», у Курцманна «покрытые золотом». Очевидная для жителей региона, а также носителей русской и польской культурных традиций принадлежность этих монахов и монастырей к православию в текстах не уточняется.

Особенно интересной представляется тема перевода менее знаковых религиозных контекстов. Во-первых, для Польши в соответствии с сарматской мифологией расположенной на пограничье «цивилизованного» (католического) мира и мира «еретического» (языческого), католицизм выступал как один из важнейших признаков польскости, религия была и остается важной основой

национальной идентичности. Христианство в идеальном воплощении является религией католической, т.е. вселенской, на что претендуют все ветви христианства: и католики, и православные, и униаты. В категориях польской национальной идеи истинно вселенским вариантом является католицизм, он же – главная духовная основа национального единства, особенно в период утраты независимости. Мысль о единстве национального и религиозного повторяется в произведении неоднократно.

Таблица 3.

Сравнение переводов национально-религиозного единства

Jednej krwi z tym swoim panem, Jednej wiary z tym kapłanem [10, s. 13].	Одной крови люди с паном, Одной веры с капелланом [3].	Eines Blutes mit den Herren, Eines Glaubens mit den Priestern [11, S. 19].	Eines Stamms mit seinem Herren, Eines Glaubens mit dem Hirten [12, S. 11].
A lud jednej krwi a wiary, A krew polska i ta wiara! [10, s. 46].	Одной крови люд и веры, Кровь та – польская. И вера [3].	Alles dort ein Blut, ein Glaube, Polnisch Blut und erst der Glaube! [11, S. 50].	Volk ist's eines Bluts und Glaubens, Poln'schen Blutes, alten Glaubens! [12, S. 38].

В первом примере в оригинальном тексте подчёркивается единство народа, правителя и священнослужителя, т.е. единства людей с духовной и светской властью, причём единство с правителем поэт видит на материальном уровне: «одной крови», а единство с домашним священником на уровне духовном: «одной веры». В русском переводе и в переводе Кентжиньского эти реалии переданы дословно. В переводе Курцманна генетический аспект родства народа и правителя заменяется географическим, т.е. речь идёт о единстве на уровне землячества, контекст религиозного единства сохраняется. Во втором примере тождество религиозного и национального подчёркивается использованием приема повтора. Во всех случаях перевод практически дословный.

Перевод региональных реалий, представляющих собой слова-концепты, семантическое наполнение которых распространяется далеко за пределы

словарного определения, представляет собой особенно интересную проблему. В данном случае сравнение переводов на родственный, славянский, язык и на язык другой языковой семьи – немецкий, позволяет глубже понять межкультурные и межъязыковые связи. Важная роль в этом процессе отводится примечаниям, разъясняющим региональные реалии, которые представлены как в польском, так и в немецком изданиях. Задача переводчиков, безусловно, упрощалась благодаря географическому фактору. Тесные культурные и языковые контакты между Германией и Польшей, а также между Польшей и Россией способствовали проникновению и распространению наиболее характерных культурных явлений. Однако узкие региональные особенности требовали от переводчика высокого художественного мастерства и глубокого изучения культурных реалий.

Таким образом, в переводах поэмы Винцентия Поля «Песнь о земле нашей» на русский и немецкий языки нашли своё выражение не только лингвистический, но и социальный контексты. При переводе на русский язык особая культурная близость и взаимопроникновение религиозных реалий позволяют перевести текст практически дословно, сохраняя сложные оттенки культурных различий, в частности, смысловые контексты религиозной жизни региона. Тем не менее, в русском переводе нередко религиозная семантика вытесняется географической, вызывая не столько духовные, сколько региональные ассоциации. При переводе текста на немецкий язык эта задача становится ещё более сложной. Отсутствие тождественных реалий и, соответственно, общеупотребительных лексем для их обозначения заставляет переводчиков использовать постраничные сноски для прояснения культурных реалий, что в целом нежелательно для художественного перевода, поскольку затрудняет чтение, либо вставлять в текст перевода небольшие объяснения, несколько отступая от текста оригинала, что в данном случае вполне оправдано.

Список литературы:

1. Васильев А.Г. Не только саблей, но и лопатой. Археология и национальная идентичность в Польше периода разделов // Родина. 2013. № 1. С. 122-125.
2. Ламм М.А. Образы России и Украины в поэме Винцентия Поля «Песнь о земле нашей» // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью: Сборник материалов V международной конференции. Под ред. Р.А. Бадикова. Челябинск: ЧелГУ, 2022. С. 150-154.
3. Польш В. Песнь о земле нашей [Электронный ресурс] // Lib.ru: Журнал "Самиздат" [сайт]. 12.11.2021. URL: <https://goo.su/RL73sOI> (дата обращения: 01.07.2026)
4. Estreicher K. Wincenty Pol. Jego młodość i otoczenie (1807-1832). Lwów: Gubrynowicz i Schmidt, 1882. [4], 193 s.
5. Majchrowski S. Wincenty Pol. Szkic biograficzny. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1982. 227 s.
6. Makowski B. Gawęda // Słownik rodzajów i gatunków literackich. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2012. S. 354-357.
7. Morzycka F. Wincenty Pol. Życiorys. Warszawa: Spółka Nakładowa Tanich Wydawnictw, 1899. 31 s.
8. Pamiętnik Wincentego Pola do literatury polskiej XIX wieku w dwudziestu prelekcjach mianych w radnej Sali miasta Lwowa. Lwów: Drukarnia narodowego zakładu imienia Ossolińskich, 1866. 408 s.
9. Pol W. Pieśń o ziemi naszej. Kraków: Gebethner i Wolff, 1919. 59 s.
10. Pol W. Pieśń o ziemi naszej. Poznań-Kraków: Nakład i własność J.K. Żupańskiego. 1887. 88 s.
11. Pol W. Das Lied von unserem Lande. Aus dem Polnischen übersetzt von dr. Wojciech Kętrzyński. Posen: Verlag der J. K. Żupański'schen Buchhandlung, 1870. 63 S.

12. Vincens Pol's Lied von unserem Lande. Aus dem Polnischen im Versmaasse des Originals übersetzt von Louis Kurtzmann. 2 Ausgabe. Posen: Verlag von Johann Konstanty Żupański, 1870. VI, 49 s.

Сведения об авторе:

Ламм Мария Андреевна – независимый исследователь (Москва, Россия).

Data about the author:

Lamm Maria Andreevna – Independent Researcher (Moscow, Russia).

E-mail: Lamm.maria@yandex.ru.